

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НЕМЕЦКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КЛАССИКА В ТВОРЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

И.В. Борисова, Д.Н. Жаткин

Пензенская государственная технологическая академия
пр. Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а / 11, Пенза, Россия, 440605

Статья посвящена анализу личностных и творческих предпочтений Ф.М. Достоевского в области немецкой классической музыки. Установлены факты влияния наследия немецких композиторов на формирование эстетических представлений русского писателя.

Интерес к музыке можно считать одной из наиболее ярких черт духовной жизни Ф.М. Достоевского. По свидетельству Л.Ф. Достоевской, дочери писателя, «Достоевский горячо любил музыку», хотя и «не обладал подлинно музыкальным слухом и неизвестным произведениям предпочитал знакомые» [1. С. 54]. Формированию музыкальных вкусов писателя способствовали его общение с поэтами, художниками и знаменитыми музыкантами, встречи в петербургских салонах 1840-х гг. Владельцы салонов В.Ф. Одоевский, В.А. Соллогуб, графы Вильегорские «добивались знакомства с Достоевским, приглашали его к себе и сердечно принимали» [1. С. 54]. В.Ф. Одоевский, почитатель Моцарта, Бетховена, Глинки и Берлиоза, был, кроме того, автором «Русских ночей» — книги, которую хорошо знал Достоевский, взявший из нее эпиграф к «Бедным людям» [см.: 2. С. 29]. Несомненно, близкое знакомство писателя с «Русскими ночами» способствовало более глубокому пониманию творчества таких немецких композиторов, как И.-С. Бах и Л. ван Бетховен. Неслучайно С. Баласогло, один из петрашевцев, в своей программной статье «Проект учреждения книжного склада с библиотекой и типографией» писал, что великие творения требуют достойного истолкования, а дать его могут только критики, находящиеся на той же духовной высоте, что и художники. «... Самая полная биография Бетховена, преусердно настроенная даже немецким критиком по ремеслу ..., не дает ни малейшего понятия о Бетховене, если читатель не набредет случайно либо на «Последний квартет Бетховена» ..., либо на «Себастьян Бах» ... кн. Одоевского» [3. С. 530].

Следует отметить, что формирование эстетических взглядов Достоевского на раннем этапе творчества, связанном с кружком М.В. Петрашевского, неотде-

лимо от становления его гражданских убеждений. В духовной жизни петрашевцев искусство в целом и музыка в частности занимали большое место. Произведения немецких композиторов, несомненно, входили в круг музыкальных предпочтений самого М.В. Петрашевского, считавшего, в частности, что музыка Баха более властно и глубоко может передать трагедию человека и человечества, чем полотно художника [4. С. 57]. Верность своим музыкальным пристрастиям, сформировавшимся во время пребывания среди петрашевцев (особенно в кружке С.Ф. Дурова — А.И. Пальма — А.Н. Плещеева, со второй половины 1848 г. являвшемся самостоятельным ответвлением кружка петрашевцев), Достоевский сохранил на всю жизнь. По свидетельству Н. фон Фохта, «он <Достоевский> выше всего ставил музыку Моцарта и Бетховена» [5. Т. 1. С. 377—378]. Писатель был очарован «высшей гармонией звуков» этих композиторов, он считал, что «нужно иметь очень развитое ухо», чтобы понимать ее. Подчеркивая необходимость достижения определенной стадии духовного развития и постоянного эстетического совершенствования для более глубокого проникновения в творческие замыслы великих композиторов и их воплощение в серьезных музыкальных произведениях, Достоевский высказывал мысль о том, что «требовать от полуразвитого уха совершенного понимания высшей гармонии» значит «требовать от яблони апельсинов» [6. Т. 20. С. 17—18]. В этом контексте легко понять, каким подлинным трагизмом наполнены строки письма писателя к М.М. Достоевскому от 24 марта 1845 г. о судьбе многих знаменитых немцев, «умерших с голоду, холоду и в сумасшедшем доме» [6. Т. 28. Кн. 1. С. 108]. (В № 64 «Русского инвалида» от 22 марта 1845 г., откликом на прочтение которого и явились данные строки писателя, среди прочих фактов сообщалось, что Моцарт получал всего 1500 франков, а Бетховен умер в крайней нужде [6. Т. 28. Кн. 1. С. 426]). Для только что подавшего в отставку и решившего всецело посвятить себя литературному труду Достоевского подобные факты явились поводом к размышлениям о судьбе талантливого человека, стоящего перед выбором: прожить сытую и безбедную жизнь обывателя или реализовать свое предназначение в творчестве. Обуреваемый сомнениями, но постоянно ведомый своим призванием писатель выбирает тернистый путь творческих исканий. Таким образом, прослеживается постоянное стремление Достоевского сверять события своей жизни с фактами биографии его любимых композиторов.

В годы пребывания за границей одной из немногих радостей была для Достоевского музыка, особенно творения дорогих его сердцу Моцарта и Бетховена. Он пользовался любой возможностью услышать их произведения. Свои музыкальные впечатления того времени писатель очень эмоционально выразил в письмах к А.Г. Достоевской. В письме от 18 (30) июня 1875 г. читаем: «Музыка сегодня исправилась ... играли две пьесы Бетховена — верх восхищения!» [6. Т. 29. Кн. 2. С. 53]. 18 (30) июля 1875 г. Достоевский восторженно делился с женой своими музыкальными впечатлениями: «Ангел мой, сегодня утром слышал увертюру из «Фиделио» Бетховена. Выше этого ничего не создавалось! Это в легкограциозном роде, но с страстью, у Бетховена везде страсть и любовь. Это

поэт любви, счастья и тоски любовной!» [6. Т. 29. Кн. 2. С. 106]. Опера Бетховена «Фиделио», несомненно, была одним из любимых произведений Достоевского. Подтверждение этому находим в воспоминаниях А.Г. Достоевской: «Не будучи знатоком музыки, муж мой очень любил музыкальные произведения Моцарта, Бетховена «Fidelio» <...> и испытывал искреннее наслаждение, слушая любимые вещи» [7. С. 448]. Эти воспоминания относятся к пребыванию Достоевских в Дрездене в 1866 г. Они часто гуляли в Большом саду, где по вечерам в ресторане «Zur grossen Wirtschaft» играла полковая, медная или инструментальная музыка. И хотя этот сад находился примерно в шести-семи верстах от их дома, Достоевский неизменно совершал пешие прогулки, чтобы насладиться любимыми музыкальными произведениями [см.: 6. Т. 28. Кн. 2. С. 205, 488]. Следует упомянуть еще одно впечатление, вынесенное писателем из Дрезденского парка: «<...> играли D-dur Beethoven'a, такая удивительная музыка, что просто не слушаешься» [5. Т. 2. С. 104]. По-видимому, здесь подразумевается Вторая симфония Бетховена [см.: 4. С. 107].

Писатель искренне сожалел, когда по тем или иным причинам он не мог побывать на концертах, где исполнялись творения Бетховена. Об этом, в частности, можно судить по его письму к А.Г. Достоевской от 12 (24) июня 1874 г.: «Мне в кондитерской один молодой человек советовал съездить в театр Кроля за Тиргартеном <в г. Эмсе>, где увеселительный сад и опера. Действительно, шел «Фиделио», и мне очень хотелось съездить, но придя домой, до того почувствовал себя усталым, что так и свалился спать» [6. Т. 29. Кн. 1. С. 325]. Из этого разговора с незнакомым молодым человеком явствует, что Достоевский искал любую возможность занять свой досуг посещением концертов, в которых исполнялись произведения одного из его самых любимых композиторов — Бетховена. Это времяпровождение он предпочитал любому другому, что позволяло скрасить вынужденную разлуку с родиной и близкими людьми. В другом случае Достоевскому не удалось получить целостного впечатления от произведений Бетховена из-за опоздания на концерт: «К сожалению, пришли уже к «Menuetto» Beethoven'a, большей частью его произведений не застали» [5. Т. 2. С. 107]. Возможно, под «Менуэтом» Достоевский имел в виду III часть Первой симфонии Бетховена [см.: 4. С. 107]. Следует особо обратить внимание на то, что всегда, когда Достоевский находился далеко от дома и чувствовал себя одиноким, он искал утешения в любимой музыке. Так, в своих частых письмах из Москвы к А.Г. Достоевской писатель также не упускал возможности упомянуть о музыкальных впечатлениях как о самых приятных. Бывая частым гостем в доме Е.П. Ивановой, которая передавала ему письма жены, он вечерами слушал Бетховена, который исполнялся «очень хорошо» [см.: 6. Т. 30. Кн. 1. С. 168].

Многогранность творчества Бетховена не переставала удивлять и радовать Достоевского на протяжении всей жизни. Любовная тоска и страсть, которыми, по мнению писателя, пронизано все творчество Бетховена [см.: 6. Т. 29. Кн. 2. С. 106], не мешали ему разглядеть в композиторе певца героизма, подвига и мужества. К числу особенно высокочтимых русским писателем произведений отно-

сились «Эгмонт» и «Патетическая соната» [см.: 4. С. 109]. С.В. Ковалевская, вспоминая о музыкальных пристрастиях Достоевского, писала: «Он как-то раз говорил нам, что из всех музыкальных произведений всего больше любит la Sonate pathétique Бетховена и что эта соната всегда погружает его в целый мир забытых ощущений» [8. С. 115]. Таким образом, творчество Бетховена Достоевский воспринимал в единстве лирики и патетики. Для писателя его музыка всегда была выражением личных чувств и переживаний и вместе с тем чем-то неизмеримо большим и глубоким. Она служила ему постоянным источником вдохновения, вечным кладом для поиска сюжетов новых произведений, обрисовки характеров персонажей.

В подготовительных материалах к роману «Бесы», где Достоевский разрабатывал характеристику Нечаева, находим интересные наброски диалога, в которых отражены жизненные принципы этого героя. Нечаеву рассказывают о романе «Что делать?», в котором представлена картина концертов, «перед которыми Бетховен — букашка», на что герой Достоевского отвечает, что романа не читал, а сочинитель, видимо, еще не дошел «до главной точки»: «Если б сам пожил, то кончил бы тем, что дошел, и не было бы концертов». По его мнению, не надо никакого искусства, никакой музыки, ибо это все развращает, поскольку «необходимо лишь необходимое» [см.: 6. Т. 11. С. 270—271]. Едва ли такая позиция близка самому Достоевскому, истинному ценителю и благодарному поклоннику творчества Бетховена, которое, несомненно, пронизано великой любовью, силой духа, мужеством и гуманизмом. По сути, для писателя это и есть самые необходимые для выживания в человеческом мире качества, которыми так щедро наделены его любимые герои. В этом контексте уместно было бы упомянуть, что, находясь в 1870—1871 гг., то есть во время франко-прусской войны, в Германии, Достоевский с горечью писал, что дух ненависти и нетерпимости охватил немецкую интеллигенцию. Потрясенный Достоевский увидел в разгуле прусского милитаризма и шовинизма измену великим гуманистическим традициям Гёте, Бетховена и Шиллера [см.: 4. С. 112—113].

9 марта 1875 г. в разгар работы над «Подростком» Достоевский кратко наметил тему оставшегося неосуществленным произведения о музыканте: «Композитор. Великий музыкант приговорен судом дать оперу. Дал Pastoral. Леди, вы меня любили. Странник. Эффект» [9]. В литературных кругах существует версия о том, что упоминание о Pastorale указывает на Шестую симфонию Бетховена [см.: 4. С. 129]. Музыкальным эквивалентом описания вещего сна Версилова, которое по праву считается одной из вершин творчества Достоевского, по мнению А.А. Гозенпуда, и является эта симфония. Ассоциации с музыкой Бетховена вызывает у этого автора и обращение Мити в романе «Братья Карамазовы» к «Гимну радости» Шиллера. Этот намек на иную, возвышенную музыку воспринимается как прямая параллель с последней частью Девятой симфонии композитора [см.: 4. С. 130].

В литературном творчестве Достоевского имеются также примеры непосредственного упоминания Бетховена и его произведений. В VIII главе «Дядюшкино-

го сна» в разговоре с Марьей Александровной, матерью Зины — любительницы петь и музицировать, князь, чтобы показать себя знатоком музыки, упоминает факт своего знакомства с Бетховеном, чем вызывает у нее истинное благоговение: «С Бетховеном! Вообрази, Зина, князь был знаком с Бетховеном! — кричит в восторге Марья Александровна. — Ах, князь, неужели вы были знакомы с Бетховеном?» [6. Т. 2. С. 55]. Как выясняется далее, князь приписывает себе дружбу с великим композитором, придумывая нелепые бытовые подробности («И вечно у него нос в табаке. Такой смешной!»), исключительно для того, чтобы произвести впечатление на восторженных поклонниц композитора и похвастаться фактом знакомства с кем-нибудь из «немцев» [6. Т. 2. С. 55]. В «Униженных и оскорбленных» тонко чувствующая Катя ищет в звуках Бетховена ответа на обуревающие ее сомнения: «Вы ведь любите музыку? — спросила она <...> еще задумчивая от недавних слез <...> — Если б было время, я бы вам сыграла Третий концерт Бетховена. Я его теперь играю. Там все эти чувства ... точно так же, как я теперь чувствую. Так мне кажется» [2. Т. 4. С. 200].

Нельзя не упомянуть, что Достоевский не только сам интересовался творчеством Бетховена, но и всячески старался пропагандировать его искусство. Так, на страницах «Гражданина», редактором которого в 1873 г. — начале 1874 г. он являлся, регулярно публиковались статьи и заметки, посвященные музыкальным вопросам. Прежде всего необходимо указать на большую, правда незавершенную, работу П.И. Чайковского «Бетховен и его время» (1873, № 7, 8, 11, 12), позднее ни разу не перепечатававшуюся. Встречались ли Достоевский и Чайковский, мы не знаем, но сам факт публикации статьи на подобную тему подтверждает стремление Достоевского обогатить духовную жизнь общества того времени примерами биографии и творчества представителей немецкой музыкальной культуры.

Впрочем, отношение Достоевского к различным представителям немецкой музыки было неравнозначным. Прежде всего это подтверждается мнением о музыкальном творчестве Р. Вагнера. Вспоминая жизнь в Дрездене в 1866 г., А.Г. Достоевская писала: «Произведений Рихарда Вагнера Федор Михайлович совсем не любил» [7. С. 151]. В своей записной тетради 1876 г. Достоевский сопоставил Вагнера с Бисмарком [6. Т. 24. С. 263]. По-видимому, его музыка ассоциировалась у писателя с экспансивной тенденцией во внешней политике Прусского государства. В увертюре к опере «Тангейзер» Вагнер представлялся Достоевскому влюбленным в «свою собственную болтовню» и «уверенным в своих писательских совершенствах». И все это подавалось, по мнению писателя, под видом «любви к природе» [см.: 6. Т. 24. С. 239]. А в письме к А.Г. Достоевской от 7 (19) августа 1879 г. Достоевский даже открыто противопоставлял Вагнера своим любимым композиторам, а прослушивание его произведений считал откровенно скучным времяпровождением: «Музыка здесь <в г. Эмсе> хоть и хороша, но редко Бетховен, Моцарт, а все Вагнер (прескучнейшая немецкая каналья, несмотря на славу свою) и всякая дрянь» [6. Т. 30. Кн. 1. С. 100].

Таким образом, музыкальные пристрастия Достоевского в отношении немецких композиторов, сформировавшиеся под влиянием произведений клас-

сиков и ранних романтиков, были достаточно традиционными для своего времени. Преклоняясь и благоговей перед творчеством Бетховена, к элитарности Вагнера писатель испытывает неприязнь, в которой он был отнюдь не одинок. По мнению А.А. Гозенпуда, «мощь эмоционального воздействия музыки Вагнера кажется беспредельной, но едва ли его можно назвать великим психологом. Страсть, скорбь, любовь, страдания выражены в музыке с огромной силой, но эмоция кажется отвлеченной от ее носителя» [10. С. 197—198]. Едва ли Достоевский с его слуховым опытом, знакомый с сочинениями Вагнера лишь по фрагментам опер в концертном исполнении (1863 г. и последующие годы), способен был принять творца «музыки будущего».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Dostojewski geschildert von seiner Tochter. — München, 1920.
- [2] *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 20 т. — М.: Терра, 1998—1999.
- [3] *Философские и общественно-политические произведения петрашевцев.* — М.: Наука, 1953.
- [4] *Гозенпуд А.А.* Достоевский и музыка. — Л.: Музыка, 1971.
- [5] *Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.* — М.: Худ. литература, 1964.
- [6] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. — Л.: Наука, 1972—1990.
- [7] *Достоевская А.Г.* Воспоминания. — М.: Худ. литература, 1971.
- [8] *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. — М.: ГИХЛ, 1961.
- [9] РГАЛИ. — Ф. 212. — Оп. 1. — № 11. — Зап. 82.
- [10] *Гозенпуд А.А.* Достоевский и музыкально-театральное искусство. — Л.: Сов. композитор, 1981.

GERMAN CLASSICAL MUSIC IN F. DOSTOYEVSKIY'S CREATIVE PERCEPTION

I.V. Borisova, D.N. Zhatkin

Penza State Technological Academy
Baydukov Proyezd / Gagarin str., 1a/11, Penza, Russia, 440605

The article is devoted to the analysis of F. Dostoyevskiy's personal and creative preferences in the field of German classical music. The authors find out the facts demonstrating the influence of German composers' creative activity on forming the Russian writer's esthetic views.